

МЫСЛЬ НА ВЕСАХ ИСТОРИИ

Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М. «Мысль». 1987. 574 стр.

Кто такой Бакунин? Анархист, разрушитель I Интернационала — таков стереотипно-стандартный, «энциклопедический» ответ. У многих вызывает недоумение факт, что в 1918 году Бакунин был внесен в список девятнадцати знаменитых революционеров и социалистов прошлого, чьи имена выбиты на обелиске в Александровском саду у стены Кремля. Там Бакунин — в одной компании с Марксом и Энгельсом...

Недоумение это, впрочем, легко разрешимо: «ярый враг марксизма», как именуют М. А. Бакунина в именных указателях к томам сочинений Маркса и Энгельса, он был действительно выдающимся революционером и социалистом. Только сразу же добавим: история освободительного движения Европы и России прошлого столетия вряд ли знает фигуру более противоречивую, чем он. настолько противоречивую, что писатель Леонид Гроссман назвал Бакунина «великой загадкой», «непонятной гигантской и чудовищной духовной организацией».

Один из активнейших участников революции 1848 — 1849 годов, а вместе с тем — автор позорящей его революционную да и человеческую честь покаянной «Исповеди» обращенной к Николаю I руководителем тайного «Альянса», ведший изощреннейшую борьбу против Маркса и его сторонников в I Интернационале, нанесший колоссальный вред освободительному движению Европы 70-х годов.

Апостол революции, без колебаний готовый отдать свою жизнь делу освобождения народа от экономической и социальной кабалы и политического угнетения, а вместе с тем — вдохновитель и участник заведомо обреченных на неудачу политических авантур, экстремист понимавший социальную революцию лишь как полное разрушение существующего устройства общества.

Виднейший теоретик, без произведений которого история социалистической мысли в России неполна и ущербна, создатель утопии безгосударственного социализма, выступавший против регламентации иными социалистами будущих форм жизни, а вместе с тем — принципиальный противник научного и вообще теоретического социализма как навязывающего народу книжный, придуманный за его спиной идеал.

Анархист, провозглашающий уничтожение всякой власти, всякого авторитета и полную свободу народного волеизъявления как в революции, так и после нее, а вместе с тем — человек, неудержимо стремившийся к лидерству, к руководству мировой революцией, создававший тайную политическую организацию для управления мстительной народной стихией.

Образованнейший мыслитель, много писавший (хотя и мало печатавший) по вопросам философии, а вместе с тем — явный противник теоретического знания, видевший в «науке ученых» новую — после религии — форму духовного насилия над людьми и уж во всяком случае нечто совершенно бесполезное для жизни.

Ярый враг церкви и религии, а вместе с тем — автор произведений, утверждавших необходимость «земной религии человеческого рода», «религии будущего триумфа всеобщей справедливости»...

Естественно, что эта внутренняя противоречивость Бакунина, его дел и его учения, неоднозначность его роли в политическом движении и в истории общественной мысли XIX века, слияние в бакунизме подлинной, беззаветной революционности и революционного экстремизма, авантюризма, наносивших реальному процессу социально-политического освобождения только вред, — все это, вместе взятое, не могло не отразиться в тех оценках и характеристиках, которые давались Бакунину его современниками. Оценки эти, как правило, были крайне пристрастными, что вовсе не значит, конечно, что в них не были схвачены какие-то важные стороны деятельности и идейного творчества Бакунина. Напомним в этой связи об острой, бьющей не в бровь, а в глаз полемике Герцена с Бакуниным в письмах «К старому товарищу», как бы подводивших итог их сложным личным и идейным отношениям, или, скажем, Марксово мнение о Бакуине как «человеке без всяких теоретических знаний»: «Его программой была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — равенство классов (!), отмена права наследования как исходная точка социального движения (сен-симонистский хлам), атеизм, предписываемый членам Интернационала как догма, и т. д., а в качестве главной догмы (по-прудонистски) — воздержание от участия в поли-

тическом движении» (письмо К. Маркса Ф. Больте от 23 ноября 1871 года).

Внутренняя противоречивость воззрений и деятельности Бакунина не могла не отразиться и в посвященной ему богатейшей литературе, изданной у нас и за рубежом за прошедшие после его смерти более чем сто лет. Тут и полная апологетика («мес-сией... для каждого, кто где-либо мыслит», назвал в 1926 году Бакунина его американский поклонник Г. Келли). Тут и совершенное развенчание («Бакунин и Маркс. Тень и свет» — так назвал одну из своих книг Жак Дюкло). Тут и явная тенденция уйти от разрешения «великой загадки» бакунизма, от четкого определения места Бакунина в революционном процессе (характерная, например, для ценной во многих отношениях книги «Революционная традиция в России, 1783—1883 гг.», написанной И. К. Пантиним, Е. Г. Плимаком и В. Г. Хорсом). Были, наконец, и попытки — не вполне удававшиеся — нащупать диалектику света и тени, белого и черного в Бакунине и бакунизме.●

Естественно, что реальное осуществление задачи дать научную, лишенную крайностей оценку деятельности Бакунина требует знакомства со всеми фактами его биографии, со всем его творчеством, наиболее полного издания его литературно-публицистического и эпистолярного наследия. Тут кстати будет заметить, что в августе 1920 года В. И. Ленин дал «добро» на издание полного собрания сочинений Бакунина в 15 томах, по двадцать пять листов каждый (см. «Литературное наследство». М 1971, т. 80, стр. 211). Это издание в силу ряда причин осуществлено не было. Появившиеся в первое десятилетие советской власти несколько томиков сочинений Бакунина давали далеко не полное представление о его творчестве. Издание «Собрания сочинений и писем» Бакунина под редакцией и с примечаниями Ю. М. Стеклова было прервано в 1935 году на четвертом томе: его постигла та же участь, что и собрания сочинений других идеологов народничества — П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева, оборвавшиеся соответственно на четвертом и шестом томах. На долгие годы в нашей историографии укрепился тезис, ставший чуть ли не аксиомой: народничество — злейший враг марксизма. Со второй половины 50-х годов положение стало несколько меняться. Пожалуй, первой ласточкой было появление объемистого сборника «Народническая экономическая литература. Избранные произведения» (М. 1958). В 1965 году вышел в свет

двухтомник избранных сочинений П. Л. Лаврова, десятилетие спустя — двухтомник П. Н. Ткачева (оба в серии «Философское наследие»). Достаточно настойчиво ставился вопрос и о необходимости публикации трудов Бакунина. Например, рецензия на книгу Н. М. Пирумовой «Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность» (М. 1966), напечатанная в журнале «Вопросы философии» (1967, № 12), заканчивалась словами «о настоятельной необходимости дальнейшего изучения именно идей, мировоззрения, теории Бакунина — и прежде всего логики этих идей, закономерности их эволюции. Хорошим подспорьем для этого явилось бы совершенно необходимое, на наш взгляд, издание в ближайшем будущем по крайней мере 2—3 томов избранных сочинений М. А. Бакунина». Но эти и подобные им призывы остались не услышанными: вероятно, чиновники, ведавшие тогда соответствующим сектором нашей жизни, посчитали Бакунина самым злым из злейших врагов научного социализма, способным внести сумятицу в умы советских читателей.

И вот наконец на семидесятом году советской власти появился том избранных произведений Бакунина. Отдадим должное редакциям философской литературы издательства «Мысль» и в особенности В. Ф. Пустарнакову, подготовившему это издание: собственно философские воззрения Бакунина представлены в рецензируемой книге достаточно полно.

Переворачивая страницу за страницей, мы имеем возможность проследить, как меняется Бакунин-философ, как теизм и романтизм, столь характерные для его юношеского мировосприятия, все больше сменяются рационалистическим, реалистическим, атеистическим, даже — это хорошо видно из текстов — материалистическим взглядом на мир, в деталях увидеть и характер этого материализма, точки его соприкосновения с материалистическими учениями предшественников, естественнонаучными представлениями XIX века, позитивистскими теориями.

Значительную часть книги занимают работы Бакунина 60—70-х годов, в том числе впервые публикуемые на русском языке в переводе составителя «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке» (1870—1871). В центре этого труда — анализ идеи бога с позиции антропологизма, берущего свои начала в философии Фейербаха. Вместе с тем Бакунин пытается определить для

себя содержание таких понятий, как природа, материя, разум, воля, различие между животным и человеческим отношением к миру, сущность научного метода. Здесь он подчеркивает особую роль коллективного опыта как основы для науки и, выступая против перенесения в сферу познания приемов теологии и «метафизики», проповедует: «Нет ничего так же антипатичного для науки, как вера, и только критика всегда имеет в ней последнее слово. Только она, представительница великого принципа бунта в науке, есть строгая и неподкупная хранительница истины». Характерно, что материализм и атеизм рассматриваются Бакуниным прежде всего «как мощные орудия революционного разрушения, очень опасные для современного порядка вещей»; всякое отступление от них (в частности, у французских позитивистов) квалифицируется им как содействие продолжающемуся угнетению человечества.

Нельзя не порадоваться появлению этого добротного издания, но... читатель, мне кажется, испытает и чувство разочарования. Во всяком случае у меня такое чувство возникло. Не буду подробно останавливаться на том, что сюда — вероятно, по соображениям ограниченного объема (а кто и почему его ограничивал?) — не вошли некоторые важные работы Бакунина или отрывки из них («Наука и насущное революционное дело», «Государственность и анархия», «Парижская коммуна и понятие о государственности», а также письма С. Нечаеву от 2 июня 1870 года и Ф. Мора от 5 апреля 1872 года). Или, скажем, на не всегда оправданных купюрах, порождающих вопрос: а не опустил ли составитель здесь что-то очень существенное исключительно в видах цензуры?.. Важнее другое: книга не дает почти никакого представления о бакунинском анархистском социализме, если угодно — о том главном, что олицетворяется именем и образом Бакунина. Конечно, можно ограничиться сведениями, приведенными В. Ф. Пустарнаковым во вступительной статье: о «своеобразном разрыве» между бакунинской теорией особенно философией, и его анархистской практикой; о том, что «его философские взгляды не были прямо и непосредственно основой анархистской практической программы в полном смысле этого слова», и о том, что существует «значительное противоречие» между бакунинской философией и бакунинской практикой анархизма... Но даже если это и так, утешаться и удовлетворяться этим все же не хочется: была ведь не только анархистская практика, но и тео-

рия анархизма, утопия безгосударственного социализма, противопоставлявшаяся Бакуниным различным школам государственного социализма, и без знакомства с этой утопией наши представления о Бакунине-теоретике будут лишены очень существенного. Неужели анархизм Бакунина все еще страшит наших издателей?

Разумеется, следует отдавать себе полный отчет в том, что анархизм — это живое явление и наших дней. Он не сошел со сцены ни со смертью Бакунина, ни со смертью другого его столпа — П. А. Кропоткина. Значительно видоизменившись, он и сегодня представляет «закраину» некоторых незрелых политических движений на Западе. Анархистские настроения и идеи разной степени отчетливости имеют место и в социалистическом обществе. Но все это не основание для того, чтобы оставлять теоретическое наследие антигосударственника Бакунина за бортом читательского внимания. И не только с точки зрения ликвидации очевидных пробелов в наших знаниях о Бакунине и бакунизме. Изучение социально-политических идей Бакунина (в частности, его полемики с Марксом) имеет сегодня, по моему мнению, весьма актуальное значение: оно может помочь нам в размышлениях о том, каким мы видели и каким хотим видеть социализм.

Тут нужно сделать небольшое отступление. В последнее время часто цитируют слова В. И. Ленина из его работы «О кооперации», в которой были сформулированы основные идеи кооперативного плана, занимавшего центральное место в концепции нэпа: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Но при этом обычно не вспоминают, что В. И. Ленин в этом контексте указывает на рациональное зерно теорий «старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна». Он пишет: «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью... теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью». Чтобы двинуться на новый уровень в понимании социализма и путей его строительства, мысль В. И. Ленина как бы обращается в прошлое, выявляя у старых социалистов-утопистов нечто такое, что, несмотря на очевидную слабость и ограниченность их теории, позволяет марксистам использовать последние — разумеется, заново переосмысливая их в новых для социализма, послереволюционных условиях. Оуэн

и подобные ему социалисты, по мысли Ленина, грубо ошибались, когда представляли кооперирование как путь к социализму помимо и взамен политической революции. Но идеи Оуэна и его единомышленников вполне могут иметь и теоретическое и практическое значение после совершения политической революции.

Нам прежде всего важен применяемый здесь В. И. Лениным методологический прием: предшествовавшая марксизму и опровергнутая, «снятая» им утопическая социалистическая мысль не должна рассматриваться лишь как нечто музейное, она может и должна быть использована в теоретическом поиске на базе марксизма в целях его собственного развития по мере изменения исторических условий, появления новых, неведомых ранее марксистам проблем.

Аналогичная ситуация сложилась в наше время. Теоретическая марксистская мысль занята сегодня принципиальным различением сущности социалистического строя (или, как иногда говорят, природы социализма) и той исторической формы, которая, крайне деформировав эту природу, сложилась в СССР в 30-е годы. Ориентиром для нас выступает ленинское видение социализма. Но важное значение имеют, например, и замечания Маркса и Энгельса о той форме социалистической теории (отчасти и практики), которую они называли «государственным социализмом», имея в виду, в частности, утопию Лассаля. Может способствовать нашему теоретическому поиску и изучение критики по адресу гугернаментального социализма, которая содержалась в работах некоторых социалистов-утопистов, прежде всего Герцена. Определенную помощь в нашем осмыслении сущности социализма и тех бюрократических извращений, которым она подверглась в период 30—70-х годов, оказало бы, как это ни кажется парадоксальным, и знакомство с антигосударственной концепцией социализма Бакунина, и даже его критика по адресу «государственника» Маркса.

Да, Бакунин в этой критике Маркса был по существу не прав, отрицая роль государства как необходимого инструмента ликви-

дации старого строя и строительства и защиты строя нового, социалистического. Да, Бакунин, в сущности, смешивал марксизм с лассальянством, усматривая в научном социализме то, чего в нем не содержалось. Представления Бакунина о марксизме были далеко не адекватными (как, заметим, далеко не всегда точными были и представления Маркса о Бакунине). Да, история вынесла свой приговор анархизму Бакунина, вполне обнаружив его теоретическую ошибочность и практическую несостоятельность.

Но сегодня в анархизме Бакунина, в его утопии безгосударственного социализма мы можем увидеть и рациональное зерно: Бакунин куда более резко, чем Маркс и другие марксисты, подчеркивал (скажем сильнее: преувеличивал, абсолютизировал) идею относительной самостоятельности государственной власти, указывая на возможность ее отрыва от народа и в условиях социализма. Именно поэтому он настоятельно предостерегал против перенесения принципов буржуазной политики в будущее общество. «Самым губительным сочетанием, какое только может образоваться, было бы соединение социализма с абсолютизмом», — писал он. В нашей сегодняшней борьбе с бюрократией как главным противником перестройки идеи Бакунина могут зазвучать по-новому. Но для этого их надо заново переосмыслить, что, в свою очередь, требует более полного издания его сочинений.

Остается добавить, что представляющее Бакунина рецензируемое издание выпущено мизерным — двухтысячным! — тиражом да к тому же с грифом «Для научных библиотек». Это означает, что Бакунин остается по-прежнему недоступен отечественному читателю. Поневоле приходится стыдиться, сопоставляя этот факт с тем, что за рубежом выходит многотомный «Архив Бакунина», издающийся поистине академически.

В мае 1989 года исполнится сто семьдесят пять лет со дня рождения М. А. Бакунина. Интересно, как мы отметим эту дату?

А. ВОЛОДИН,
доктор философских наук.